

преподобный Максим Исповедник

**Послание к Фоме
преподобный Максим Исповедник**

**Освященному рабу Божию отцу духовному и учителю
господину Фоме смиренный и грешный Максим,
недостойный раб и ученик.**

1. Говорят, что ипостасью мудрости является добродетель, сущностью же добродетели – мудрость. Поэтому доказательством постоянной мудрости служит образ научения созерцаемым, твердым же основанием добродетели установлен логос созерцания практических, обоих же неложнейший характер – пристальное рассматривание истинно непоколебимого сущего, разделяемое на желание и страх; одно привлекает к Красоте, другое же устрашает величию Творца; из них происходит срастворение с Богом достойных, согласно несмешиваемому единству, творящее претерпевающих по положению то [бытие], которое называется по природе Творящим.

2. Итак, сих, освященне, ты, как никто другой из смертных, предпочитаешь всему: мудрость показав постоянно являемую образом совершаемых, добродетель же представив твердо подтвержденную Логосом мыслимых, обоих ты сделал характером стремление к истинному бытию, сдерживаемое желанием и страхом Творца. По этому стремлению, будучи соединяем полностью со всем Богом духовным образом, ты неложно шествуешь посредством веры к участию в видении благ, обнаружение которого – обожение, обозначенное теми святыми, через которых Бог становится узнаваемым смертными. Поэтому, упражняясь с ненасытностью лишь в боготворящем знании, ты обладаешь присноподвижным стремлением, которое делает для тебя отцом желания пищу, парадоксально усиливающую причастием [от нее] алкание.

3. Сего ради, жемчужина, ты снова вопрошаешь грязь; питающийся зернами – испачканного навозом; чистый и сияющий и не носящий признака плотского вещества и убежденный в тщетности сей преходящей жизни, посмеивающийся светящимся и пылающим умам – делающего единственным признаком жизни зловоние страстей. И ты принуждаешь меня, не выдерживающего тяжести твоего крайнего богоподражаемого истощания, снова прикоснуться духовным логосам, [меня], ещё не принявшего через делание [добродетелей] само крещение Иоанна, ни услышавшего есть ли Святой Дух через духовное созерцание. Впрочем, я

примусь за это, будучи смелым (ибо кто смелее невежды учащего), исполняя твою заповедь, владыки моего и освященного отца, твоими молитвами поддерживаемый, и сие главное слово сотворяю, от первого из предпоставленных начиная.

4. Святаго Григория из первого слова о Сыне: «Посему Монада от начала подвигшаяся, остановилась на Триаде» и снова его же из второго [слова] о мире: «Ибо Монада, двигаясь по причине богатства, преступила диаду (ибо выше материи и формы, из которых состоят тела), и определилась Тριάдой по причине совершенства».

5. Так как ты повелел примирить тебе в сих словах различные причины движения пребезначальной Монады и освободить изнемогающий ум от недоумения о сих, я, богочтимый владыко, вижу – хотя зрение души отнято по причине дебелства рассуждения – одну и ту же причину, мысленно представляемую из обоих [слов], которую сам учитель устанавливает ясным и определенным [способом], не имеющим ничего загадочного, в слове о Сыне говоря: «Мы чтим единоначалие; впрочем не то единоначалие, которое определяется единством лица (ибо и одно, если оно в раздоре с собой, составит множество), но то, которое составляет равночестность естества, единомушии воли, тождество движения и направления к единому Тех, Которые из Единого...» ...на обоих. Я говорю, что таким же является движение человеческого знания о том, как Монада есть Триада, не могущего постигнуть одновременно каким образом в Божестве логос бытия и способ существования совместно сооткрываются.

6. Итак, Монада движется по причине богатства, чтобы не было бедным божество, иудейски сокращаемое определением одного лица, превосходит же диаду, чтобы Божество не было понимаемо как тело в объеме, виде, явлении и созерцаемом образе; ограничивается же Тριάдой по причине совершенства, чтобы не было раздора в Божестве, по-эллински во множестве мифологическом. Ибо единственнейшее [бытие] – совершенное – [есть бытие] по природе несложное, неразсеиваемое и избегающее одновременно единичности по ипостаси, двоичности по материи и умножения по сущности. Это именно то, что и через посланный томос ясно я показал, сказав: «Ибо это значит превзойти диаду и не остановиться на диаде, и снова ограничиться триадой и на Триаде остановиться движению Монады, если только мы почитаем Единоначалие не любочестное, как определенное одним лицом или опять беспорядочное

как растекающееся в безграничное, но которое [есть] единачестная по природе Троица: Отец, Сын и сопричисляемый Святой Дух»; и опять: «Поскольку Божество [есть] монада и не диада, не Триада, не множество, как безначальное, бестелесное и безраздорное».

7. Итак, отче святыи, ни одно из затруднений я не скрыл, по домостроительству сохранив [их под] неким таинственным смыслом для более подготовленных слушателей (ибо кто превосходит тебя в понимании или возвещении [вещей] божественных?), но я изрек все по моим силам, хотя мое изложение по виду просто, как ты видишь из изложенного.

8. Того же из того же слова: «[Божество] посредством ума вступило в общение с плотью и дольний человек стал Богом, после того как соединился с Богом и стал с Ним едино, потому что препобедило лучшее».

9. И сие, отче святыи, [я] не оставил неисследованным, но в меру моих сил и вместимости разума написанное в посланном к тебе письме [и] нуждающееся в испытании следующее: «Итак, Логос, [Сам] чуждый перемены, обнищал до нашей страстной природы и через Воплощение воистину приняв немощь естества, приветствуемый как Бог видимый и Бог от нижних, чрез плоть, по природе страстную, славно открыл сверхбесконечную силу. И после того, как явно была примешана к Богу плоть и стала одно [с Ним], Сильнейшего достигшая, [она] вполне была обожена в тождестве ипостаси восприявшим её Логосом».

10. Итак, как было мне иначе, рабе Божий, словом и разумом нищему, более ясно объяснить сие? Ибо я сказал, что плоть была примешана к Богу и стала одно [с Ним], достигши лучшего; и объясняя, как и насколько это достижение стало реальным, добавил: «ипостасным тождеством с восприявшим её Логосом она была вполне обожена»; и чтобы ясно передать, что сделал воплощенный Логос достижением ипостасного тождества, объясняя «как?», говорю, что «вполне», а «насколько?», – что «насколько Он мог ее обожить восприятием по ипостаси». Ибо если Сам Логос, всегда неизменный, неожиданным обнищанием соделал для Себя семя собственной плоти, ясно, что плоть, вполне соединенная с Ним, нашла в Нем свою ипостась, т.е. я хочу сказать, что по отношению к ипостаси плоть не отличалась от Логоса. Если же по ипостаси к Логосу... ..веруя, что Господь взял опыт человеческих [...], по нашему подобию, только кроме греха. Не безопасно было бы говорить, что достижение было

совершенно другим способом, который характеризует воспринятую природу существенно, чтобы не не знать нам, что различие в природном свойстве умно одушевленной плоти, после единения упразднено лучшим, и что нет признака, свидетельствующего о её собственном существовании.

11. Именно так думавший Севи́р, нечестивого Аполлинария ученик нечестивейший, издогматствовал единую сложную природу Христа и единую Его энергию, [тем самым] явно отчуждив Его по природе и энергии от Отца и матери. Ибо если, согласно Севиру, Христос есть сложная природа, [то] и Христос по природе есть вполне сложный; если же Христос есть сложный по природе, то Христос есть Христос по природе; если же, по Севиру, Христос есть Христос по природе, то Он не единосущен ни Отцу, ни матери, если только Отец и Мать не суть Христы по природе, и [тогда] Христос будет средней природой, имеющей от тех двух (Отца и Матери) энергию, существенно эту природу характеризующую. [Но] очевидно, невозможно быть некой средней между Богом и тварью природе, ни той ни другой [природе] не причастуемой и не из обеих сложенной, чтобы [не быть похожими] на изображающих полукозла-полулошадь.

12. Сего ради мы не должны ошибаться в единстве [природ], чтобы ни принимать ересь Нестория, ставшего виновником чуждого нам идолослужения, ни уничтожать [их] различие, чтобы не допустить при их взаимном проникновении необдуманного аполлинариево смешения, новой природы нам введшего начало; но как благочестиво мы знаем [Его в] существенно различающихся [природах] в тождестве единой ипостаси, так мы исповедуем Его и в различии природных свойств [природ], объединенных по ипостаси. [При этом] мы не подрываем, не скрываем или разрушаем ни того, ни другого природного [свойства], чтобы не испортить в чем-нибудь смысл [их] бытия и природы, все разрушив (ибо несовершенный смысл природы ничего не значит), и обрекая себя улучшить долю в несовершенном спасении или вполне отпасть от целого из-за малодушия или страстного неведения и самих себя лишив этого [спасения]. Ибо [Тот, Кто] Бог естеством, став поистине человеком естеством, вместе есть Бог истинный и вместе человек истинный, посредством чего Он естественно обладает всем, [свойственным] этим природам, каждую из них имея воспринятую (кроме греха, которого изобретатель движущийся против природы ум): тогда как Он не был бы ни одной из них истинно, если бы верили, что Он недостаточно обладает

[свойствами] каждой из них. Если же обе [природы] реально существуют, потому что, как принято [от Отцов], всё, посредством чего созерцается каждая [из природ], воспринято природно, [тогда] мы уразумеем достижение, веря, что поистине Творец всяческих, Сам пребывая неизменным по Божеству, зачавшись в матери Деве, как Сам восхотел, усвоил Себе [человеческое] естество, недоведомо в зачатии став для него ипостасью. По этой природе, говорю, был рожден от матери Рожденный прежде всех веков от Отца, быв по естеству человеком так же совершенно, как и Богом. Если же Он воспринял каждую из них – ибо очевидно был совершенным по обоим [природам], Сам став для них ипостасью, – то Он воспринял и их существенные движения, Сам являясь для них единством, как естественных Ему и неслиянно друг с другом сращенных образом, свойственным единству. Без них совершенно нельзя было знать, что Он был и как Он был; и Аполлинарий, и Севир уничтожили бы, разрушая создающих природные свойства умно одушевленной Его плоти, чтобы показать, что, приписывая по-манихейски Богу только образ плоти, голое изображение или, скажем более прилично, только название, они лишили ее реальности вещи. Из толкования письма св. Дионисия к Гаию.

13. «И все остальные [действия], которыми Он самодетельно не мнительно исполнил нас ради домостроительство, по примеру души, движущей естественно сращенное с ней тело, двигая приобретенную природу как истинно ставшую и называемую Его или, лучше сказать, Сам неизменно став тем, чем природа есть реально».

14. Я удивляюсь твоей мудрости, поистине возлюбленный, и я не перестану изумляться такой твердости. Ибо вопрошая ты учишь и уча мудрствуешь и унижаясь возводишь и через противных противное выпрямляешь, изображая во всем и перед всеми истощание, спасение и человеколюбие Господа.

15. Благодаря духу кротости, полученному от Него, ты превратил в безошибочное учение вопрос, поставленный тобою таким образом: «Говорим ли мы, что у Христа всякое движение без исключения единственно и божественно или, поэтому, сохраняется движение души, посредствующей между Богом Словом и плотью, к Которому, по определению божественного Григория, естественно относится страдание плоти?» И в нескольких словах всех наставив к благочестию, зная и указывая, что ничего нет непреодолимее истины, избежав же словесного

шарлатанства спорщиков и отыскивая могущих, ради нищеты духа, освободиться подобно опреснокам, от закваски страстей и избавиться, подобно рыбакам от волн, житейских искушений; [отыскивая] тех, кто, не терпя никакого фарисейства в беседе и имея быть рожденными огнем знания, сего ради уверовали в Евангелие. Искав среди них, святейший [отче], [и], посредством подобных состояний найдя и вверив себя служению слова, не нуждаясь в добавлении к этому в чём-либо от человеческих рассуждений, но божественным выбором и чистотою жизни получив примиряющую благодать, [ты] апостольски учил о смысле воплощения Господа, [Который] посредством разумной души соединился с плотью и действовал ею то, что ей свойственно. Ты старался полагать пределом благочестия слова славного Григория, чтобы мы знали, что воспринятая природа сохраняется в сохранности своих существенных движений, без чего совершенно бессмысленно домостроительство, если мы не имеем во Христе природу по нам, надежно поддержанную через существенное её движение, отрицание которого равно уничтожению самой природы.

16. И очевидно, что [к этому подходит] хор беснующихся – я имею в виду Симона и Валентина, и Манента, Ария и Аполлинария и Евтихия, Диоскора и Тимофея, и Севира, – злоупотребляющих наименованием христиан на погибель многих и вместе с уничтожением воспринятой природы приходящих к отрицанию её движения, и поэтому [они] говорят, что Господь [был] скорее призраком одного пустого образа плоти, чем по истине существом, осуществленным непременно плотью, умно одушевленной. Издогматствовав единую божественную природу и энергию Христа, они приходят к тому, что божественная сущность или будет казаться вымышленной, обманчиво приобретающей свойства нашей природы, или [будет] изменена и, вопреки природе, им покорена. Поистине таковые признают одну природу и движение Христа; у таковых плотность Божества вымышлена, и Божество воплотилось обманчиво и вопреки природе покорено движениям плоти; у таковых Христос по одной и той же энергии противоположных [природ] будет иметь, с одной стороны, чудеса от силы, происходящей природно, а с другой стороны, будет, вопреки природе, лишен её [как] покоренной страстям. Таковые определяют одного и того же Христа по одной и той же природе и действительно как страстного и бесстрастного и ничего более славным не почитают, чем тщетную веру... [и немного ниже]

17. Мы слышали великого Давида, говорящего, что начало божественных слов есть истина, и от Ездры мы ясно научены, что она побеждает все как единая крепкая, ибо она есть осуществление сущих и поставлена несокрушимым основанием логосов, божественнейших их [т.е. сущих, бытия], ибо она постоянно дает вмещающим [её] доказательство всех слов и всех дел. Если же [мое] слово начертало, в меру моих возможностей, истину, [и] нет ничего более необходимого, чем истина; поэтому всё то, что действительно причастно к истине, есть совершенно необходимо. Итак, если мы верим, что Христос по сущности и по природе вполне истинный Бог и по Своей сущности и природе вполне истинный человек, нет ничего более необходимого, чем всегда мыслить и говорить, что ни одна из Его обоих природ не является единственной, но по числу [их] количество обнаруживается [в Нем] через существенные различия, из которых [и] в которых [Он] уверяется и в которых есть [Его бытие]. Более же всего [так нужно делать], когда язык и обстоятельства искажают правильное учение, когда нужно соединиться с истиной и явно показать согласие с ней, чтобы мы не только благочестиво верили сердцем, но и знали устами, исповедуя правильно повсюду перед всеми. [в конце]

18. Но хорошо, честная моя глава, ныне ещё более чем прежде будь человеколюбивейшим судьей написанного мною, [ибо ты] столь превосходишь меня по высоте добродетели, сколь я умалился и тлением страстей умную силу души испытал. Утешь меня, облегчив бремя опутывающих меня зол величием твоей добродетели, [меня], ставшего душою как «мех на слане» (Пс. 118, 83), иссушенный морозом греха и покоробленный памятью вечных мучений. Обнови меня совлечением ветхой [жизни] и [сделай] вместилищем единого по Христу таинственного слова, которым тайно тебе сообщается кипение духа, возбуждающее и воспламеняющее душу любовью [только] к одному Творцу, Которому слава и держава во веки. Аминь.

Содержание

преподобный Максим Исповедник Послание к Фоме	1
преподобный Максим Исповедник Освященному рабу Божию отцу духовному и учителю господину Фоме смиренный и грешный Максим, недостойный раб и ученик.	2